

ОДИЧАНІЕ.

То, что мы переживаемъ,—разумной мѣркой не измѣрить.
Ибо переживаемое нами—безумно.

— Мы больны.

Такъ пишутъ и говорятъ всѣ, кто не потерялъ вѣры въ лучшее.

Да, больны, больны всѣ.

Одни—безуміемъ.

Другіе—безсердечіемъ.

Иные—позорной трусостью.

И всѣ—безволіемъ.

Въ такое время, когда перекраивается карта Европы, и кажется, исторически въ послѣдній разъ; когда переоцѣнивается культурная цѣнность народовъ по ихъ національностямъ,—въ такое время наша болѣзнь ужасна.

Она не къ славѣ, а къ смерти.

Ибо мы—русскіе,—получивъ свободу, ослизли волей.

Попали въ заколдованный кругъ безчисленныхъ резолюцій, безчисленныхъ Совѣтовъ, Комитетовъ, Союзовъ.

— Въ бурянь партійнаго фанатизма, партійныхъ споровъ, счетовъ и демогагической фантастичной лжи, спекулирующей на народномъ невѣжествѣ.

За шесть мѣсяцевъ социальныхъ опытовъ на русской землѣ создали ужасную народную психологію:

— Всему вѣрить и никому не вѣрить.

— Теперь все, даже искреннее участіе нашихъ друзей, клонится къ одному—къ нашей гибели.

Это маленькій перифразъ словъ доктора Андрея Ефимовича изъ „Палаты № 6-й“.

Теперь все разумное, мыслящее, кающееся, болѣющее душой о благѣ Родины упало духомъ, ослабло волей.

Ибо втиснуто въ мрачныя кошмарныя стѣны „демократическаго“ недовѣрія и подозрѣнія.

— Въ политическую палату „№ 6-й“.

И у дверей поставленъ грубый суровый стражъ:

— Товарищъ Никита.

Который, при первыхъ-же попыткахъ вырваться наружу въ жизнь, строго удерживаетъ:

— Нельзя, нельзя. Сами знаете.

А попытки заявить права на свободу личности и убѣжденій приводятъ его уже въ бѣшенство:

— Поговори еще!

— Буржуй!

И бьет по лицу, по темени, по станковому хребту...

Никита теперь многомиллионенъ.

А главное—силенъ.

— Правомъ силы:

— Штыковъ.

Кулаковъ.

Кувалдъ.

Ему льстятъ, какъ не льстили деспотамъ.

Ему вскружили голову, какъ Нерону.

Ему внушили, и онъ повѣрилъ, что все свидѣтельствующее о культурѣ, о прогрессѣ—совершенно имъ.

Имъ создано.

Онъ—ученый, изобрѣтатель, поэтъ, художникъ, полководецъ, государственный строитель.

Все—онъ.

Другіе только—узурпаторы, тунеядцы.

Истина ему кажется простой до чрезвычайности, какъ простъ онъ самъ.

— Въ своемъ невѣжествѣ.

Международныя отношенія, социальныя проблемы—для него:

— Разъ плюнуть.

Онъ какъ чеховскій герой:

-- Я чичасъ.

— Который тутъ миръ?

— Англичане, французы, американцы?

— Митингъ!

— Бочку!

На бочку „который отъ Ленина“ и—готово:

— Безъ „анекдотівъ“ и „котибуціевъ“.

— На основѣ самоопредѣленія народовъ.

И только для русскихъ:

— Миръ во что-бы то ни стало.

— Потому, что „россійскій пролетаріатъ“—это:

— Авангардъ.

— Пролетаріата всѣхъ странъ.

И ему выпаль жребій пожертвовать собой за счастье прежде всего, пролетаріата нѣмецкаго.

Такъ вѣщаютъ скрижали „Циммервальда“.

Намъ не привыкать по части жертвъ: на суровыхъ Балканахъ, въ Альпахъ, въ Карпатахъ, въ Вогезахъ и на всѣхъ равнинахъ Европы, какъ жертва, пролита русская кровь.

У насъ ея много...

У насъ всего много. Особенно земли.

— Мы не какіе нибудь тамъ купцы—англичане, или ско-
нидомы—французы.

— Приходи и бери—вотъ мы какъ!

И тѣ, для кого честь—клочекъ бумаги, приходятъ и берутъ.
Нѣмцы берутъ и злобно смѣются.

— Хохотъ миллионовъ Мефистофелей!

Какой въ этомъ ужасъ!

Разгородили Россію.

Какъ запущенный садъ—земля русская. Поваленъ и рас-
тасканъ оплотъ, не видно дѣлателей; все поросло бурьяномъ,
коряво и чахло; плѣсень вмѣсто прудовъ и чистыхъ источниковъ;
роются свиньи...

Одичаніе! Какъ когда-то въ странѣ Гадаринской: стадо
свиной дороже истины...

„Бѣсы“ великаго тайновидца души русской, судьбы русской
—царствуютъ.

Поймемъ-ли?

Не поймемъ, если не услышимъ Бога, не поймемъ Его
воли въ голосъ пророка:

„Вотъ день! вотъ пришла, наступила напасть! жезлъ выросъ,
гордость разрослась. Встанетъ сила на жезлъ несчастія; ничего
не останется отъ нихъ, и отъ богатства ихъ и отъ шума ихъ
и отъ пышности ихъ.

„Пришло время, наступилъ день, купившій не радуется, и
продавшій не плачетъ, ибо гнѣвъ—надъ всѣмъ множествомъ ихъ.
Ибо продавшій не возвратится къ проданному, хотя-бы и оста-
лись они въ живыхъ; ибо пророческое видѣніе о всемъ множествѣ
ихъ не отмѣнится, и никто своимъ беззаконіемъ не укрѣпитъ
своей жизни.

„Затрубятъ въ трубу, и все готовится, но никто не идетъ
на войну: ибо гнѣвъ Мой надъ всѣмъ множествомъ ихъ.

„Внѣ дома—мечъ, а въ домѣ—моръ и голодъ.

„У всѣхъ руки опустятся, и у всѣхъ колѣна задрожать.
какъ вода.

„Тогда они препояшутся вретischemъ, и обойметъ ихъ трепетъ
и у всѣхъ на лицахъ будетъ стыдъ, и у всѣхъ на головахъ
плѣшь.

„Серебро свое они выбросятъ на улицы, и золото у нихъ
будетъ въ пренебреженіи.

„Серебро ихъ и золото ихъ не сильно будетъ спасти ихъ
въ день ярости Господа. Они не насытятъ ими душъ своихъ и
не наполнятъ утробъ своихъ, ибо оно было поводомъ къ безза-
конію ихъ. И въ красныхъ нарядахъ своихъ они превращали
его въ гордость и дѣлали изъ него изображенія гнусныхъ

своихъ истукановъ; зато и сдѣлаю его нечистымъ для нихъ, и отдамъ его въ руки чужимъ въ добычу и беззаконникамъ земли на расхищеніе, и они осквернятъ его.

„И отвращу отъ нихъ лице Мое, и осквернятъ сокровенное Мое, и придутъ туда грабители и осквернятъ его.

„Сдѣлай цѣпь, ибо земля эта наполнена кровавыми злодѣяніями и городъ полонъ насилій.

„Я приведу злѣйшихъ изъ народовъ, и завладѣютъ домами ихъ. И положу конецъ надменности сильныхъ, и будутъ осквернены святыни ихъ.

„Идетъ пагуба; будутъ искать мира, и не найдутъ.

„Бѣда пойдетъ за бѣдою и вѣсть за вѣстью; и будутъ просить у пророковъ видѣнія, и не станетъ ученія у священника и совѣта у старцевъ“ (Іез. 7, 10-26).

„Такъ было, такъ и теперь.

„Суды Господни истина, всѣ праведны“ (Пс. 18, 10.).

Священникъ Н. Руссовъ.

Крестьяне о преподаваніи Закона Божія въ школѣ.

Могутъ быть и въ настоящее время безвѣрія, религіознаго индифферентизма, бойкота всего, что связано съ Святѣйшимъ именемъ Богъ, для священника минуты духовнаго утѣшенія. Является къ нижеподписавшемуся изъ дальней деревни крестьянинъ съ просьбой отпѣть младенца и вмѣстѣ съ тѣмъ заявляетъ, что «въ пятницу имъ желательно отслужить во вновь открытой въ ихъ деревнѣ школѣ молебенъ».

— Старики просятъ.

— Присылайте.

Въ назначенный день явился подводчикъ съ просьбой поѣхать для совершенія обѣщаннаго молебна.

Деревня небольшая—тридцать пять дворовъ; но еще года два назадъ старики просили открыть у нихъ хотя бы школу грамоты.

— Дѣтей грамотѣ поучить.

— Чтобы по улицѣ не слонялись, обувку не били, одежду по пусту не носили, уму—разуму учились.

Отдѣленіе отказало «за неимѣніемъ средствъ».

Теперь школу открыло земство.

На высокомъ крыльцѣ дома, снятаго подъ школу, стояла молодая учительница, попросившая благословеніе.

Оказалось, что до этого она была учительницей церковно-приходской школы.